

Модель, которую так и не удалось создать*

Sergei Stepanov

(Peoples' Friendship University of Russia)

The model that did not exist

Новая книга А.В. Репникова стала продолжением целого цикла его работ, посвящённых теме, выбранной им ещё со студенческих времён. Среди наиболее значимых исследований автора – монографии «Консервативная концепция российской государственности» и «Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века)»¹. Кроме того, он являлся ответственным секретарём энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века»². «Консервативные модели российской государственности» рассматриваются автором на широком круге источников, порой неожиданных, как, например, исследование «Флора мхов Средней России», в котором ботаник А.А. Еленкин обосновывал необходимость привнесения в науку национального самосознания. При этом Репников прекрасно знаком со всей научной литературой о русском консерватизме: он не только знает то, что уже вышло в свет, но и осведомлён о том, какие издания по данной тематике готовятся к печати. Добротный научно-справочный аппарат поможет читателю сориентироваться в море публикаций, использованных при написании книги.

С древнейших времён в каждом обществе существовали приверженцы сложившегося уклада жизни, обычаев и традиций. Однако следует ли называть их консерваторами? К примеру, известный американский историк и политолог Р. Пайпс относит возникновение русского консерватизма к XV в. Но, как отмечает Репников, «при такой трактовке можно зачислить в консерваторы всех русских людей скопом и отодвинуть хронологические рамки консерватизма вплоть до X

века» (с. 10). Впрочем, автор монографии не исключает, что всё более заметная терминологическая путаница со временем заставит пересмотреть и переосмыслить такие классические понятия, как «консерватизм», «либерализм», «традиционализм». «Русский, английский, японский, американский консерватизм – различны, – констатирует Репников. – Они различны уже в силу того, что консерватизм, опирающийся на традицию, более национален (а иногда и националистичен), чем либерализм. Попытка создать универсальную консервативную идеологию, призвав объединиться консерваторов “всех стран”, непродуктивна, хотя можно заметить много общего в теоретических основах европейского и русского консерватизма» (с. 23).

Хотя в названии исследования не обозначены его хронологические рамки, в основном автором освещается период с 1880-х гг. до 1917 г. Кроме того, в небольших экскурсах он проследит судьбы своих героев после революции. За это время российский консерватизм, являвшийся ранее достоянием отдельных лиц и элитарных кружков, прошёл путь от расцвета в царствование Александра III до полного краха после отречения Николая II. В начале XX в. происходит его партийно-политическое оформление – появляются многочисленные монархические союзы и организации, получившие собирательное название «чёрной сотни». Интересен процесс восприятия черносотенной уличей сложных идей, изначально предназначенных для узкого круга избранных. Ведь лишь немногие консервативные публицисты вступали в союзы и партии, в большинстве своём они оставались мыслителями-одиночками, зачастую

* Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с., ил.

пережившими прежде тот или иной мировоззренческий переворот, как К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров, Н.Я. Данилевский и даже К.П. Победоносцев, в молодости сотрудничавший с лондонскими изданиями А.И. Герцена и Н.П. Огарёва.

Разуверившись в возможности преобразовать человеческое общество, охранители сосредоточились на защите традиционных устоев. И хотя, по мнению Репникова, их нельзя огульно причислять к противникам прогресса, в монографии приведено немало фактов, свидетельствующих об обратном. Консерваторы крайне настороженно относились не только к политическим, но и к сугубо техническим новшествам. В частности, К.Н. Леонтьев пропагандировал сочинение епископа Никанора (Бровковича) о вреде железных дорог, пара и опасности слишком быстрого движения. Если для поборников просвещения и развития подобная мысль являлась ярчайшим выражением мракобесия, то для Леонтьева «это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма» (с. 127). Отчасти солидарен с ним и Репников, полагающий, что «слова епископа Никанора об оборотной стороне прогресса и технической модернизации начинают звучать актуально и для нашего времени» (с. 129). Он даже утверждает, что «уже в конце XIX века именно русские консерваторы одними из первых стали задумываться о “цене прогресса” и побочных последствиях модернизации» (с. 121).

Конечно, негативные последствия индустриализации видели тогда не только консерваторы (среди которых к тому же не существовало абсолютной солидарности), что признаёт в примечании и автор книги. Однако страна с гужевым транспортом и парусным флотом явно не могла бы сохранить ранг великой державы. Между тем в утопическом романе С.Ф. Шарапова «Через полвека» в будущей Российской империи, раскинувшейся от Ледовитого до Индийского океана, запрещены не только автомобили, но и велосипеды: «А что касается до велосипедов, то было обнаружено не только увеличение всяких расстройств, но даже некоторое как бы одичание среди пользовавшихся ими. И вот сначала велосипеды были запрещены

для женщин, затем изъяты из употребления и вовсе» (с. 134). Репников пишет, что «именно консерваторы озаботились проблемами нравственного и физического здоровья нации, и даже проблемами экологии» (с. 129). Точнее было бы сказать, что они просто не идеализировали научно-технический прогресс, в отличие, например, от социалистов, для которых твёрдая убеждённость в торжестве человеческого разума и всесильной науки стала своего рода религией.

Для консерваторов и славянофилов промышленная модернизация и связанные с ней изменения в общественном и политическом строе ассоциировались прежде всего с наиболее развитыми странами Западной Европы. Однако время вносило свои коррективы, и уже Леонтьев усматривал главное зло во «все-Америке», олицетворяющей худшие черты капитализма (с. 139). Предвидя наступление глобализма – «всемирной однородной цивилизации», при которой «однородное буржуазное человечество» начнёт «от рациональной тоски» заниматься самоистреблением, он предрекал, что учёные, «увлечённые оргией изобретений и открытий, сделают наконец такую исполинскую физическую ошибку, что и “воздух как свиток совьётся”» (с. 129).

Восприняв славянофильское представление о противоположности России и Запада, большинство правых публицистов всё же скептически относились к перспективе славянского единства. Лишь немногие и далеко не самые видные из них проповедовали, как А.В. Васильев, создание под эгидой России Всеславянского Союзного государства. Остальные же, включая лидеров массовых черносотенных союзов, отвергали панславизм, так как значительная часть славян исповедовала католицизм и находилась под сильнейшим воздействием западной культуры.

В противостоянии с Западом российские консерваторы рассчитывали опереться на Восток. Репников приводит любопытные данные об их глубоком интересе к восточной цивилизации. Так, кн. Э.Э. Ухтомский считал, что России самым ходом истории предназначено стать мировой силой, сочетающей Запад с Востоком, и быть арбитром в вечном споре

между Европой и Азией. Причём решить его князь предлагал в пользу Азии, поскольку судья, который «чувствует себя братом обиженного», действовать иначе не может. Интересно, что в консервативной публицистике гораздо реже, чем в либеральной, муссировались страхи, связанные с экспансией «жёлтой расы». Репников отмечает, что идеи расового превосходства для большинства русских консерваторов были в целом неприемлемы, но и тут сохранялось разнообразие взглядов. Так, биолог К.С. Мережковский (брат известного писателя), один из создателей Казанского отдела Союза русского народа, писал в утопическом романе «Рай земной»: «Азиатов мы решили истребить всех без исключения. Ни монгольская, ни негритянская расы не должны были войти в состав нового, обновлённого человечества, ибо ни душевные, ни физические качества их не были для этого пригодны; к поголовному истреблению предназначена была также и семитическая раса, а также такие народности, как армяне, персияне, сирийцы и тому подобные» (с. 319).

Книга Репникова позволяет проследить развитие и усиление национализма в правых кругах. Поначалу охранители настаивали на необходимости опираться на самобытные традиции и критиковали попытки либеральной интеллигенции «переделать русского человека в общечеловека». В. Строганов даже предостерегал единомышленников от пренебрежительно-покровительственного тона в отношении к иным народам: «И что курьёзнее всего, что мы, проповедуя ненависть к инородцам, тем не менее требуем от них пламенной любви, потому-де, что “они вскормлены и вспоены на груди России”» (с. 311). Тем не менее, как показывает А.В. Репников, русский консерватизм по мере своего развития всё больше тяготел к этническому самоутверждению русских как главенствующей народности империи. Сильнее всего это проявилось в «Основных положениях» Союза русского народа, идеология которого, как обоснованно полагает автор книги, существенно отличалась от концепций К.Н. Леонтьева и К.П. Победоносцева, не говоря уже о славянофилах.

Менее отчётливо в монографии прослеживается изменение представлений правых мыслителей о еврейском вопросе. Для консерваторов первой половины XIX в. он имел почти исключительно историческое и религиозное значение. Однако к рубежу веков данная тема начинает привлекать к себе всё больше внимания. К тому времени наиболее активная часть еврейского населения вышла из замкнутого местечкового мирка и успешно приспособилась к реалиям пореформенной России. Охранители видели в евреях носителей космополитического духа, не признающего государственные границы, слуг капитала, теснивших благородное дворянство и патриархальное купечество. Одновременно их обвиняли в разжигании революции и пропаганде социалистических идей. Широкое распространение в правых кругах получили и мифы о всемирном «еврейско-масонском» заговоре и «международном тайном правительстве». Антисемитизм заметно усилился с выходом на политическую сцену массовых черносотенных союзов. Апогея антисемитская кампания достигла в последние предвоенные годы в связи с печально знаменитым «делом Бейлиса». По словам Репникова, «даже краткий анализ отношения правых к “делу Бейлиса” показывает, что далеко не все они поддерживали обвинения в ритуальном убийстве» (с. 334). Однако за исключением кн. В.П. Мецкерского, Д.И. Шхно и особенно В.В. Шульгина, активно критиковавшего эту версию, практически все правые деятели, включая как лидеров черносотенных союзов, так и публицистов В.В. Розанова, М.О. Меньшикова, Л.А. Тихомирова, И.А. Родионова, учёного И.А. Сикорского, богослова П.А. Флоренского и др., сплочённо её отстаивали.

А.В. Репников обращает внимание на важность для русских консерваторов — от видных философов до лидеров правых партий, — принципа социальной иерархии и призывает учитывать их твёрдое убеждение в том, что «неравенство является нормальным состоянием человечества» (с. 169). Но буржуазный строй, от которого они мечтали оградить Россию, вовсе не отменял социальное неравенство, в чём легко было убедиться на примере западных стран. Свержение же

его также не сулило, по мнению правых, свободы и равенства. Тихомиров, вслед за Леонтьевым, прозорливо предсказывал, что основой социалистического строя будет жёсткая иерархия и безусловное повиновение революционным вождям. А консерваторы отстаивали собственно сословное неравенство, отжившее свой век вместе с крепостным правом. Между тем повсеместное оскудение поместного дворянства сводило на нет все старания правительства поддержать его позиции в обществе.

Правых объединяла приверженность самодержавной власти. На первый взгляд кажется странным, что никто из них не оставил сколько-нибудь значимых трудов, посвящённых теории монархизма. Исключением стал фундаментальный трактат «Монархическая государственность», написанный Тихомировым, который, собирая материал, сам удивлялся бедности литературы по этой теме. Но и его работа, увидевшая свет накануне революции 1905 г., осталась практически не востребовавшей. Репников склонен объяснять это обширностью и сложностью текста, на недоступность которого для людей, не приученных к серьёзному чтению, жаловались даже единомышленники Тихомирова. Да и самодержавие не нуждалось в теоретическом обосновании. Более того, представители власти, уверенные в её божественном происхождении, считали подозрительными даже самые верноподданнические изыскания, опиравшиеся на исторические и юридические аргументы, — какие-либо «мудрствования» в сакральной сфере казались излишними.

Репников совершенно справедливо утверждает, что сама мысль о замене абсолютизма на конституционно-монархическую или конституционно-парламентскую форму правления рассматривалась консерваторами как покушение на основы российской государственности. Помазанник Божий мог нести ответственность лишь перед Богом. Единственной же гарантией против злоупотребления неограниченной властью оказывались религиозно-нравственные нормы и готовность царя им следовать. В то же время, как откровенно признавал М.О. Меншиков, «подавляющее большинство из монархов

были слишком невыдающиеся, слишком заурядные люди. И вот в руки этих-то слабых и неумных людей, очутившихся в вихре лести и измены, попадала историческая судьба великого народа» (с. 430). При последнем императоре разрыв между идеализированным образом монарха и его земным воплощением был особенно резким. Большинство консервативных мыслителей были далеки от Двора, и те из них, кто попадал на Высочайшую аудиенцию, испытывали глубокое разочарование. Так, по словам К.Н. Пасхалова, покидая Николая II в 1913 г., он «чувствовал вовсе не счастье..., а конечную безнадежность» (с. 406).

В монографии Репникова ярко переданы эсхатологические настроения, охватившие монархистов перед Первой мировой войной. С их точки зрения, союз самодержавной России с конституционной Англией и республиканской Францией являлся противоестественным. Лидеры черносотенцев до августа 1914 г. (а П.Ф. Булацель и после начала боевых действий) придерживались прогерманской позиции. В значительной мере это объяснялось тем, что консерваторы сознавали неготовность страны к предстоящим испытаниям и предвидели последствия поражения. П.Н. Дурново, предупреждавший в знаменитой записке о неизбежности социальной революции в самых крайних её проявлениях, не был одинок — примерно о том же с разной степенью прозорливости писали К.Н. Пасхалов, А.Г. Щербатов и др. Задолго до крушения монархии в среде консерваторов стали всё чаще пессимистически отзываться о перспективах её существования. Сохранившаяся переписка, изученная Репниковым, показывает всю глубину охватившего консервативные круги предчувствия обречённости самодержавной России. Действительно, монархистам, сумевшим пережить революцию и Гражданскую войну, выпала судьба бессильных свидетелей, своими глазами наблюдавших гибель старого мира и святынь, которым они поклонялись. Немудрено, что Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов и другие в этот период искали спасения в мистицизме.

Освещается Репниковым и отношение монархической эмиграции к фашиз-

му. Некоторые из лидеров черносотенцев, оказавшиеся в 1920–1930-е гг. в Германии, утверждали, что Союз русского народа являлся «первой фашистской партией в Европе». Н.Е. Марков сетовал на недалёковидность царского правительства, не понявшего великую силу фашизма, а В.В. Шульгин, напротив, связывал его возникновение в России с П.А. Столыпиным: «Правда, покойный премьер... сам не подозревал, что он фашист. Но тем не менее он был предтечей Муссолини» (с. 41). Именно русские эмигранты познакомили некоторых идеологов национал-социализма с «Протоколами сионских мудрецов». Однако даже Марков, наиболее близкий по взглядам к нацистам, далеко не во всём разделял их идеологию. Когда немецкие переводчики его книги «Войны тёмных сил» жаловались на христианскую направленность текста, бывший руководитель Союза русского народа саркастически посоветовал им обратиться к советской атеистической литературе. Шульгин, одно время участвовавший в работе «Школы фашизма», созданной при Союзе объединённых монархистов, отказался от сотрудничества с Гитлером. «Его теория о том, что немецкая раса, как серо-глазая, призвана повелевать над людьми с тёмными глазами, казалась мне непостижимо нелепой», – писал позже русский националист (с. 475).

А.В. Репников критикует У. Лакера, который в своей книге «Чёрная сотня. Истоки русского фашизма» пишет о преемственности между черносотенцами и нацистами. По мнению американского исследователя, «связующим звеном» между ними был «имперский лектор НСДАП» Г.В. Бостунич – штандартенфюрер и почётный профессор СС (даже в нацистской Германии ни один университет не соглашался присвоить ему это учёное звание). Однако, как убедительно доказывает Репников, Бостунич не имел никакого отношения к дореволюционным черносотенцам и его судьба никак не может считаться примером якобы типичной для русских правых эволюции в направлении фашизма и национал-социализма (с. 469).

Конечно, как всякое исследование, монография А.В. Репникова не лишена

недостатков, являющихся прямым продолжением её достоинств. Автор явно увлечён своими героями, и именно это делает повествование столь ярким и познавательным. Но, видимо, это же побуждает его преувеличивать достоинства консерваторов и избегать упоминания об их недостатках. Кроме того, если отдельные сюжеты раскрываются им подробно, то другие весьма бегло. Вызывает сомнение и само название книги – «Консервативные модели российской государственности». Ведь, судя по её содержанию, консерваторы не предлагали никаких иных моделей, кроме сохранения самодержавия. По мнению Репникова, «одной из причин политического поражения отечественного консерватизма в начале XX века стало то, что правительство и Николай II сделали ставку не на творческое начало в консерватизме, а исключительно на его охранительную составляющую» (с. 480). Однако имелось ли у консервативных мыслителей то «творческое начало», о котором постоянно говорится в книге? Александр III и Николай II отзывались о своём учителе К.П. Победоносцеве как о человеке, способном всё раскритиковать, но ничего не предлагающем взамен. Подобную характеристику можно дать большинству консервативных мыслителей. Они предупреждали об опасностях, грозивших самодержавному строю, но не смогли разработать программу его укрепления. Как признаёт автор монографии, консерваторам «так и не удалось представить власти, обществу и даже собственным единомышленникам чёткой концепции переустройства России» (с. 503). Но, быть может, именно поэтому драма российского консерватизма начала XX в. весьма поучительна, и книга А.В. Репникова даёт превосходный материал для размышлений на эту тему.

Примечания

¹ Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; он же. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века). М., 2006.

² Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010.